ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

ЧЕЛОВЕК В ЧУЖОЙ ФОРМЕ

ПОСЛЕВОЕННЫЙ КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН

Короли городских окраин.
Послевоенный криминальный роман

Валерий Шарапов

Человек в чужой форме

«Эксмо»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

Человек в чужой форме / В. Г. Шарапов — «Эксмо», 2023 — (Короли городских окраин. Послевоенный криминальный роман)

ISBN 978-5-04-188135-1

Послевоенная Москва активно отстраивается. Расширяется и текстильная фабрика, которой помогает воинская часть полковника Кузнецова. В какой-то момент у директрисы фабрики возникает подозрение, что полковник – совсем не тот, за кого себя выдает, он не чист на руку и использует махинации. Такие же предположения и у оперативников, которые давно присматриваются к этому якобы «офицеру». Но у них нет доказательств, чтобы уличить зарвавшегося жулика. Они не догадываются, что за Кузнецовым уже давно следят местные «сыщики» – Колька Пожарский и его компания. У них даже готов план захвата злодея. Однако в последний момент, переоценив свои силы, ребята неожиданно оказываются лицом к лицу со смертельной опасностью… Атмосфера становления послевоенного поколения, близкая многим читателям, когда пьянит дух молодости и свободы. Когда от «все можно» до «стой, стрелять буду» – один шаг. Криминальные романы о времени, память о котором до сих пор трепетно хранится во многих семьях. Персонажи, похожие на культовые образы фильма «Прощай, шпана замоскворецкая».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-188135-1

© Шарапов В. Г., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог 7
Часть первая 9
Глава 1 9
Глава 2 12
Глава 3 14
Глава 4 15
Глава 5 17
Глава 6 19
Глава 7 21
Глава 8 25
Глава 9 28
Глава 10 32
Глава 11 35
Глава 12 37
Глава 13 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Валерий Георгиевич Шарапов
Человек в чужой форме

© Шарапов В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Очнулась глубокой ночью, испугавшись, что проспала. Глянула на часы, висевшие над кроватью: полтретьего.

«Совсем разваливаюсь. Нервы ни к черту».

Сигареты еще вчера все вышли, пришлось разжиться мужскими. Втиснув одну в мундштук, закурила, встав у окна. Там было белым-бело, пусто и полосато: сперва накатанная снежная дорога, лес, далее снова – гладкий, как стекло, заснеженный луг, потом снова деревья, деревья, и за ними поблескивает железная дорога, единственным выходом и итогом.

Она привычно размечталась, потягиваясь: «Взять бы билет на поезд куда-нибудь далеко-далеко, на край света, Хабаровск или, там, Улан-Удэ… Ничего, глядишь и поедешь, да еще и без билета, в полосатой робе».

Как же ярко сверкает снег под полной луной, аж глаза режет…

Ан нет, не тень это, не блик. Это он там стоит, в знакомом пальто, в своей распрекрасной шляпе, смотрит прямо в окно, закинув голову, и как зло, глумливо поблескивают на свету очешные стеклышки.

Она вздрогнула от рыжей макушки до пяток, отпрянула от окна, спиной прижалась к стене, зажмурилась – и все-таки как гибельно, неодолимо тянуло глянуть снова.

«Прекрати, глупо», – и немедленно высунула нос, очень осторожно, точно из-за бруствера.

Разумеется, не было никого под окнами.

«Показалось. Наверное, тень от еловых лап да нечистая совесть».

Он, подобравшись со спины, как всегда неслышно, обнял, поцеловал, шепнул на ухо:

– Отстреливаемся?

– Все шутишь! – И все-таки на сердце заметно полегчало, стало куда спокойнее.

Такой уж он человек, действенный, как веронал. Вздохнув, закинула руки ему на шею, прижалась, спрятав лицо на груди:

– Уедем? Давай, а?

– Куда же?

– Все равно, главное, чтобы далеко-далеко. Папы больше нет, некому за меня заступиться. А ты можешь. Ты же все можешь, правда? Я не вынесу так больше.

Он, целуя мокрые глаза, шептал:

– Золотая моя, куда ж мы все бросим, на кого? Иван-дурак куксится, как бы не натворил чего, а бежать просто так – себя же оговорить. Ну а твой…

– Не говори про него. Он меня убьет.

– Ох. Что ты. Он занят лишь тем, чтобы денежки распихивать по кубышкам. Да и почитает себя великим комбинатором, Макиавелли, так просто он мараться не будет…

– О меня? Спасибо, – фыркнула она и попыталась оттолкнуть, но он держал крепко. Голос его изменился, стал повелительным:

– Довольно. Успокойся, соберись. Что на тебя нашло?

– Боюсь. Я знаю, ты хочешь меня бросить. Я была тебе нужна как выход на папу, на мужа…

– Ох. Глупая ты, глупая.

Чуть оттолкнув ее от себя, он пошарил в тумбочке и вынул коробочку, обтянутую зеленым бархатом:

– На́ вот.

– Что это? – всхлипнула она, но в заплаканных кошачьих глазах уже заискрило, слезки, как бы сами втянувшись, высохли.

– Думал на Новый год подарить. Да вот не терпится узнать, угадал я с цветом?

Она, открыв крышечку, опешила.

– Да ты с ума сошел! Пусти.

Но он уже орудовал, бережно, умело вдевая сережки в мягкие мочки:

– Тс-с-с, не дергайся, уши оборву. Вот, теперь смотри, – и, включив бра, развернул ее к зеркалу.

В нем отразилось очаровательное, пылающее от удовольствия молодое, но уже тронутое временем и горем личико, в обрамлении небрежно рассыпавшихся рыжих кудряшек. Над все еще свежим ртом красовалась бархатная нежная мушка, но наметилась боковая складка, и один край уже пополз вниз, сияли прозрачные зеленые глазки, под которыми уже лежали глубокие тени. И свежие изумрудные блики от сережек лишь подчеркивали следы увядания.

– Какая красота…

Он обнял ее, любуясь:

– Угадал. Смотри, как играют на свету. И в жизни никто не догадается, что это не бутылочные осколки.

– А что же? – не подумав, спросила она и застеснялась.

– Изумруды, моя прелесть. Теперь спать, а то с утра некрасивая будешь.

– И ты меня разлюбишь?

– Обязательно. Мигом в койку.

Часть первая

Глава 1

В последнее время Колька Пожарский начал серьезно подозревать: то ли что-то сломалось в земном порядке, то ли грядет грандиозный шухер. Ибо мировая тельняшка приберегала для его семейства исключительно белые полосы, что всегда подозрительно.

О спиртном батя абсолютно позабыл, добросовестно, безропотно трудился на своем скромном месте: сторожем в промтоварах. Однако при этом в свободное время дни и ночи просиживал над литературой: изучал, подсчитывал и чертил. В паре случаев подкинул интересную идею по металлообработке, так что в итоге простым изменением угла приложения удалось ускорить процесс и улучшить.

Даже вечно всем недовольный мастер Семен Ильич восхитился: тут на патент, не меньше. Отец лишь улыбался: никакого смысла в формальностях и волоките он не видел никогда, считая, что наградой должна быть не бумажка в рамочке и даже не премия, но сама работа.

Главврач Шор, Маргарита Вильгельмовна, поставила Антонину Михайловну перед фактом: с понедельника вы – старшая над медсестрами. И как-то так само получилось, что никто не возражал, то есть недовольных не было.

Наташка – теперь первоклашка – тоже пристроилась, как солидно заявляла сама, «в медицине». После школы бежала к маме, управившись со своими крючками-прописями, облачалась в белый халат, специально подрубленный по ее коротышечному росточку, и хлопотала. Помогала при смене белья, раздаче питания и без капризов драила не только посуду, но и места общего пользования. Теперь и не узнать вечную плаксу: что бы ни делала, она не проявляла ни тени недовольства. Невыносимая Наташка превратилась в настоящее золото, а то и со впаянными алмазами мамкиного наследства, терпением и трудолюбием.

У самого Кольки все шло без сучка-задоринки, он уже почти верил: скоро непременно удовлетворят и его ходатайство на условно-досрочное. Правда, незаменимый Сорокин, который всегда мог подсказать, куда, что да как писать, загремел в больничку, далеко в центре, и пока неясно, когда вернется.

Пожалуй, это самое плохое событие за последнее время. Главное, ничего не предвещало: только-только сидел капитан, копался в бумагах – и вот побледнел, глаза завел и опал, как озимые. Прибывшая на «Скорой» врач сориентировалась немедленно: у нас не откачаем, срочно везем в Семашко. Поспели вовремя, откачали, руки-ноги двигаются, разговаривает внятно, слюни не текут – и то хлеб, есть надежда.

«Ничего, наше от нас не уйдет», – рассудил Колька. Пока же можно с полным правом наслаждаться тем, что есть: отличным снегом, морозом и предвкушением небольшого забега в хорошей компании. Как раз есть время проглотить что-нибудь и подправить смазку новехоньких лыж.

Дома, кроме отца, не было никого. Игорь Пантелеевич, подняв глаза от книг и брошюр, разложенных на столе, спросил:

– Ты перекусить, что ли? Сейчас погрею.

– Пап, да брось. Что я, безрукий? Не отвлекайся.

Отец отшутился:

– Ладно ершиться. Дай понянчиться с крошкой-сыном.

Налив щец щедро, «с горкой», нарубив не менее полбуханки, Игорь Пантелеевич пристроился напротив за столом. Колька, голодный с мороза, отправив в рот несколько ложек, остановился и проворчал:

– Смотришь, прям как мама, аж кусок в горло не идет. Пап, случилось что?

– Случилось, – признался отец.

Невольно защемило сердце.

– Выкладывай.

И Игорь Пантелеевич выложил кратко: через неделю он приступает к работе на «почтовом ящике», разрабатывающем приборы и, вообще, авионику для нужд гражданской и военной авиации.

– Это наверняка? – замирая, уточнил Колька.

– Абсолютно, – заверил отец, подливая еще поварешку.

И продолжил поражать: заниматься предстоит испытанием новых образцов приборов, в качестве врио руководителя лаборатории. Это для начала, а через несколько месяцев – на повышение.

– Станешь заведующим! Куда ж прежний-то делся, что ли подсидел? – ворчливо спросил сын. Он был на седьмом небе, чувствовал: если он чего-нибудь не скажет, грубости какой, то просто лопнет от ликования. Так распирало, что надо было снизить градус радости.

– Да вот делся. Устал, наверное, – отшутился Игорь Пантелеевич.

Не светила бы ему никакая лаборатория, если бы не одно обстоятельство камерного характера, от посторонних глаз надежно скрытое.

А именно: за последние полгода в результате масштабной чистки на авиазаводах страны полетело множество голов. Корректные товарищи в серых костюмах – ревизоры из Мингосконтроля – без особого напряжения повскрывали множество интересных вещей: от невыполнения плана до разбазаривания авиабензина, от нарушения финансовой дисциплины до незаконного содержания на балансе футбольных команд, проведенных по подсобному хозяйству как молодняк на откорме.

Что до конкретной лаборатории, в главы которых прочили Игоря Пантелеевича, то тут речь шла о банальном перерасходе спирта. Он не без оснований рассудил: Кольке все это знать ни к чему, к тому же имеется иной момент, который надо обговорить прямо сейчас.

А именно: Николаю снова придется оставаться за старшего.

– Дело вот в чем. Рабочий день, как ты понимаешь, ненормированный, а два часа в один конец на дорогу тратить бессмысленно. Выделяют на первое время койку в служебном помещении, в общежитии на Бахметьевской, прямо рядом с заводом. Да не семейное оно, и к тому же у нас жилплощадь эта имеется. Так что если и буду выбираться, то лишь на выходные.

– Пап, ну так ничего страшного. Не война, чай, переживем.

– Что, спишь и видишь, как бы от бати избавиться?

Разумеется, Игорь Пантелеевич подтрунивал. И ему, человеку по складу семейному, тяжеловато будет одному.

– Ты же приезжать будешь, да и мы выбираться, – заметил сын.

– Да это понятно.

– Вряд ли будет время тосковать.

Отец согласно кивнул:

– Само собой.

Признаться, Пожарский-старший лелеял тайную мысль о переезде. После реабилитации он серьезно работал над восстановлением прежних навыков, реанимировал английский, поскольку немецкий после плена у него и так был на уровне переводчика, разве техническую терминологию подтянуть. Чем он активно и занимался.

Очевидно было, что в нем, Пожарском, теперь серьезно заинтересованы, иначе не стали бы ни предложение выдвигать, ни под большим секретом намекать на то, что и в смысле жилья «все возможно».

Нет, Игорь Пантелеевич не бредил тем, как бы покинуть родную окраину, но все-таки отдельная квартира и ближе к центру – тут тебе и культура, и образование. На предприятии имеется медкорпус, санатории, или вот, рядом с заводскими помещениями – аж две больницы, так что при желании и Тонечке найдется место. Если так, то все сложится отлично: уже полгода как она старшей медсестрой трудится, как раз еще шесть месяцев, пока все утрясется, – и отношение к ней будет совершенно иное. На каком угодно месте примут.

На семейном совете, как только утихли восторги и ликования, размышления Игоря Пантелеевича поддержали: не время семейно переезжать. Антонина Михайловна резонно заметила, что не может подложить свинью Маргарите, она на нее рассчитывает. Колька упирал на то, что добираться неудобно в ремесленное. «И Ольга», – думал, но не сказал он, родители и так понимают. Наташка тоже приуныла: все-таки только первый класс, привыкла уже и к друзьям-подружкам, и к первой учительнице, ходила в любимицах. Да и Оля нет-нет да забежит проведать, как там «сестренка», принесет конфет или булку.

В общем, все обязательно будет хорошо, но не сразу.

Тут Колька, спохватившись, молниеносно навострил лыжи и умчался проветриться, а Наташка завалилась в кровать – как солидно заметила, «отсыпаться после смены». Супруги же все обговорили окончательно.

– Тонечка, ты же понимаешь.

– Ты все правильно решил, Игорек. Считаю так: ни в коем случае нельзя отказываться. Во-первых, второй раз могут не предложить, во-вторых, специалисты нужны стране, нехорошо манкировать.

Игорь Пантелеевич, вздохнув, согласился:

– Оно так. Да просто как представлю, что приходишь после работы, а вас и нету.

– Тебе не до тоски будет, – с улыбкой заметила Антонина Михайловна, поглаживая его по руке, – знаю я тебя: заработаешься до такого состояния, что приползать будешь – и спать. А там и выходные: или ты к нам, или мы к тебе.

– Колька вот.

– Да взрослый он, Игорь. Взрослый! Спит и видит, как бы отделиться от нас. Сам припомни, как иной раз себя ведет.

– Я потому и переживаю, – вздохнул Пожарский-старший, – все сам мечтает, своей головой. Почитает себя взрослым, ни мать, ни отец не указ, а сам-то… своя-то голова полна идеализмов и прочего белого дыма.

– Ничего. Не те времена сейчас, он уже ученый, разберется. И потом, на новом месте ты больше сможешь сделать, чем сейчас, для Коленьки.

Допив чай и окончательно успокоившись, супруги пошли укладываться. Кольку нечего ждать, не маленький.

Глава 2

Оля, невероятно хорошенькая в ярком свитере и в шапочке с помпоном, для порядка поворчала:

– Где ты пропал-то? Битый час жду.

Колька хотел традиционно огрызнуться, но вместо этого, отставив лыжи к стеночке и отобрав Олины, принялся целовать и тормошить, как куклу, чуть не подбрасывая к чернильным небесам.

– Я тебя люблю-люблю-люблю, – приговаривал он, а Оля, сменив гнев на милость, отбивалась с криками:

– Коля, не бей Олю, вспотеешь!

Отсмеявшись и пристегнув лыжи, поехали, разминаясь, не торопясь, рядом, и Колька, стараясь не прыгать от радости, поделился с Ольгой новостями.

– Это ж слов нет как хорошо! – просияла она, но тут же тревожно уточнила: – Погоди, вы что, переезжаете?

– Не-а. Пока некуда.

– Что значит «пока»?

Он объяснил. Но Оля продолжала допрос:

– То есть потом переедете? Позже?

Колька легонько наподдал ей палкой по пятой точке:

– Оль, тебе лет сколько? Куда я от тебя денусь-то? Вот закончу ремесленное, устроюсь на работу – и поженимся.

Она смутилась:

– Ты уж все решил.

– И давно уж. Не отделаешься от меня, понятно? – и, заложив крутой вираж, преградил ей путь.

– Отстань! – отталкивая его, протестовала девушка. – На морозе целоваться!

Колька, с трудом оторвавшись от приятного, пусть и нездорового на холоде занятия, попрыгал, попробовав крепления, свистнул по-разбойничьи и помчался вперед, к лесу. Беспокоиться не о чем: сзади быстро, бесшумно летела Оля. Эх, как было замечательно нестись на отличных лыжах среди заснеженных елок и берез, сзади тают огни домов, впереди – темень, синева!

И никого. Ни детишек, ни пенсионеров-дачников тут и в помине не бывало, эта лыжня не для тех, кто предпочитает степенно ковылять по дорожкам. Отличную трассу прокладывают вдоль железки и общего забора «Летчика-испытателя»! С обеих сторон плотная полоса деревьев и кустарника, дорога идет сначала прямо, как струна – как раз для разминки, а потом начинает резвиться, то устремляясь вниз под опасным углом, то петляя, точно горный серпантин.

Колька коротко глянул за плечо: вот так так, куда ж эта спортсменка делась? Прислушался, различил скрип снега под лыжным полотном, успокоился и решил пошалить. Как раз очередная горка, пологая, но длинная, так что конца ее не видно, да еще и с поворотом.

Колька, пятясь, отошел за толстую ель. Ежась от снега, ссыпавшегося за шарф и за шиворот, он переминался с лыжи на лыжу, чтобы не замерзнуть. Пьексы, может, и хорошие, и носки теплые, только не для того, кто стоит неподвижно. Скрип был слышен совсем рядом, и вот уже близко, из сумерек вылетела Оля – уже порозовевшая, со сдвинутыми бровями, наверняка уже злющая. Колька, мысленно хихикая и потирая ручки, прикидывал, как она будет верещать и ругаться, если, к примеру, прямо сейчас тихонько поддеть лыжной палкой…

Он не успел напакостить: Ольга, оттолкнувшись, полетела вниз с горки, как угорелая. Колька, сплюнув, выскочил из засады и устремился вдогонку. Воздух сгустился, еле заметные снежинки вдруг распухли до невозможности так, что застили глаза и секли лицо. Сквозь опущенные ресницы он еле видел, куда ехать, а Ольги не наблюдал вообще.

Р-р-раз! – откуда-то вылезла невидимая до того горка, Колька подлетел, как с трамплина, чуть не потерял равновесие. А впереди послышался сдавленный крик и шум падения.

Николай, припустившись под последнюю, самую крутую горку, еле успел сперва перепрыгнуть лыжи, отстегнутые и валяющиеся опасным крестом, а потом и затормозить. Оля стояла на коленках и ворошила какую-то кучу яркого тряпья.

Глава 3

– Т-твою ж…! – выругался Колька, освобождаясь от своих лыж.

Прямо на снегу валялась дамочка лет двадцати – двадцати пяти, одетая ярко и не по сезону: переливчатое платье с бессовестно низким вырезом, цигейковая шубейка – и почему-то чулки и туфли-лодочки. На голове, за исключением рыжих кудрей, уложенных в сеточку с «мушками», никакого покрова не было. Длинная голая шея, посиневшие, растопыренные, должно быть, закоченевшие уже пальцы с длинными гладкими ногтями, обильно унизанные кольцами, серьги, шарики на нитках, зеленым стеклом усыпанные, неуместно ярко сверкали в побелевших ушах. Обвешана разным, точь-в-точь елка.

– Что делать-то? – растерянно пролепетала Оля.

– Дышит? – спросил он грубо и ткнул пальцем в белую шею. Ага, что-то там прощупывалось. – Поднять ее.

Схватив дамочку под мышки, Колька потянул ее вверх, отметив невольно: «Ничего так кралечка, хорошенькая».

Более чем милым было это бледное личико со вздернутым носиком, родинкой над пухлыми губками, но как же плотно несло от нее! Дымом, табаком, духами, но более всего перегаром.

Оля хлопотала:

– Осторожно, не дергай. Вдруг перелом какой?

Колька огрызнулся:

– Сама тащи, цацкаться со всякими. Лыжи не забудь!

Вроде бы не особо тяжелая, но тащить-то ее придется, пожалуй, до самой больницы. Сейчас в поселке мало кто остался, а те, что зимуют, вряд ли откроют среди ночи. Колька все еще соображал, куда податься со своей ношей, как решение пришло само, скользя с горки в сияющих сапогах. Человек в шинели нараспашку, подскочив на последней кочке, съехал и упал ребятам под ноги.

И хотя ударился сильно, только и выдохнул:

– Ох, граждане, – поднялся, отряхнулся и тотчас освободил Кольку от его бремени.

Держа дамочку без особого почтения, как портфель, под мышкой, проговорил быстро:

– Здешние? И на лыжах, хорошо. Дача по Нестерова, пять.

И велел:

– Сбегайте за участковым.

Из-под шинели блеснула красная звезда, Колька невольно подобрался.

– На седьмой даче телефон, – робко заметила Оля.

– Нет, не стоит людей беспокоить, – возразил военный, – а отделение недалеко. Номер пять на Нестерова, запомните?

– Есть, – кратко отозвался Колька. Прицепив лыжи, проверив крепления, они поспешили вверх по горке.

Глава 4

Колька с места взял в карьер, мчался так, что в ушах свистело. И потому не сразу услышал, как взывала за спиной Оля:

– Стой ты! Остановись!

– Что? – чуть притормозив, отрывисто бросил он.

Оля нагнала его, перевела дух:

– Куда несешься?

– Как куда – к вам, – не подумав, ответил парень.

– У нас его нет, – сухо, сдержанно сообщила она.

Пожарский прикусил язык. Сменив направление, они помчались уже к отделению. Колька давно уже не решался обзывать любимую девушку ментовской падчерицей, ибо дело с Верой Вячеславовной у Палыча, по всему судя, разладилось.

После происшествия на голубятне у Акимова начала отказывать рука – всего-то одна, а расквасился он так, как будто ослеп и ног лишился. Вбил себе в голову, что не вправе навязывать себя, инвалида, в мужья, и о второй попытке похода в загс он более не заикался. Вера Вячеславовна сначала отнеслась к этому с иронией, но Палыч продолжал вести себя, как идиот, и в конце концов просто перестал появляться. Маргарита Вильгельмовна похлопотала, ему выдали путевку на Кавказ для восстановления, и он воспрял было духом, но тут свалился с сердцем Сорокин. И сержант Остапчук взвыл:

– Вы что, сговорились? Работать-то кто будет?!

– Сергеевну попроси, – сострил Акимов. Обреченно, ибо уже понял, что санаториум ему не светит.

Саныч угрюмо возразил:

– Ей не до того.

Он, оказывается, уже нанес визит Введенской, ранее Елисеевой, которая на правах члена семьи занимала теперь полхибары на третьей улице Красной Сосны, – прямо изложил дело: работать некому, выручай, попросись-переводись и все такое. Сергеевна выслушала с сочувствием и нетерпением, потирая ручки; глазки ее лисьи так и горели энтузиазмом. Она, часто кивая, уже открыла было рот, но тут без церемоний вмешалась золовка Наталья:

– Иван Александрович, на пару слов позвольте.

Ухватив его за рукав, утащила подальше от дома и уже без свидетелей развопилась сиреной:

– С ума сошли?! А с ребеночком что случится? Миша меня убьет!

– Лукинична, какой ребеночек?! Как убьет?! – возмутился Остапчук. – Что несешь-то?

Вспыхнув, Наталья объяснила прямо и натуралистично: сгоняв на длительное свидание с ненаглядным своим Мишенькой, Катька вернулась уже на сносях.

– В общем, забудьте, – предписала она, – никаких посторонних нагрузок. С ее субтильностью только на сохранении валяться.

Величественно завернувшись в платок, аки в мантию, Введенская удалилась, оставив сержанта в глубоком отчаянии.

– …и из колонии умудрился-таки нагадить, – завершил рассказ Саныч.

Выслушав, Акимов сперва улыбался, потом совсем сник:

– Тогда пошли трудиться. Кто, кроме нас?

Остапчук, злодей Саныч, сразу поставил перед фактом: ты с образованием – ты и руководствуй. Теперь Акимову на своей шкуре пришлось убедиться в том, что жизнь начальства не просто не мед, а сплошной деготь – куда ни повернись, виноват и перемазан.

Не хватало ни времени, ни нервов, ни тем более опыта – а ведь казалось, что чему-то научился за эти годы. К тому же назойливо лезла в голову мысль: а ну как сейчас пришлют на смену новое руководство, ту самую метлу, которая выметет все старое и бесполезное, в том числе и их с Остапчуком? За ненадобностью.

Не поднялась волна преступности, и даже ничего крупного не стряслось в районе. Однако вот эти мелкие происшествия, как мешок щебня и камушков, тянули его на дно не хуже большого мельничного жернова.

Надеясь на то, что терпение и труд таки перетрут, добросовестный Акимов, стиснув зубы, дневал и ночевал в отделении. Однако народная мудрость в его случае не работала, не сбылись его тайные надежды на то, что все пойдет как по маслу, как только дадут работать своей головой, самостоятельно, «как учили». Вот не станет никто стоять над душой, нудить «как у тебя дела с…?» – и все будет невероятно хорошо.

Вот тишина. Никто не орет, не ругается, не издевается, не кличет недоопером – ан нет, все равно ничегошеньки не получается. К тому же обличает теперь не Сорокин, который повопит, да и успокоится, и успокоит, поможет. А совесть, зараза… ее и в больницу не отправишь, и не оправдаешься перед ней, и не договоришься с нею.

И она совершенно точно сигнализирует: инвалид, дурак и саботажник. Не решался Сергей заваливаться к Вере с таким приданым.

Что по этому поводу думала сама Гладкова-старшая, ни он, ни кто иной не знал. Наверняка ей было плохо и обидно, но не того полета была эта птица, чтобы страдать прилюдно.

Глава 5

Ребята быстро домчали до отделения. В окне, как и следовало ожидать, горел свет.

Оля, бросив: «Я домой», испарилась. О том, чтобы эту упрямицу сначала догнать, а потом проводить, сейчас и речи идти не могло. Сняв лыжи, пристроив их в коридоре, Колька постучал в знакомую дверь. Не дождавшись ответа, вошел.

Акимов спал в неудобной позе, уткнувшись лбом в стол, больная рука свешивается до пола, рядом валяется выпавший карандаш. Бумаг и папок было тут так много, что самому лейтенанту места едва хватало. И все они были разложены с тщательностью отчаяния, по старой заповеди записного неряхи: «Не убираешься – сложи ровно».

Колька потряс его за плечо:

– Сергей Палыч.

Тот проснулся, поднял голову, огляделся ошалело:

– А, что? Который час?

– Первый. Сергей Палыч, тут буза какая-то, на «Летчике», Нестерова, пять.

– Так а чего сюда-то? – недовольно спросил Акимов, морщась и растирая плечо. – Звонили бы ноль-два.

– Попросили – я вот передал.

– Кто еще попросил?

– А я почем знаю? Военный какой-то. Орден у него, Красного Знамени. И баба еще…

Акимов лишь отмахнулся.

– Все, все, понял. Иду.

– Мне с вами? – спросил Колька, но Сергей, уловив характерные признаки (нервы и подергивание), великодушно отпустил его:

– Беги, беги, я сам, – и, хмыкнув, заметил: – Небось специально тащится еле-еле, чтобы нагнал.

…Может, он и недоопер, но тут не ошибся: Николай без труда нагнал Олю, которая в самом деле едва плелась.

– Крепление сбила, – сердито и неумело соврала она, отворачиваясь.

– А чего лыжи не снимешь? – добродушно попенял парень, быстро отстегнул свои, встал на колени, отщелкнул Ольгины, само собой, абсолютно исправные крепления. Связав обе пары лыж, взвалил их на плечо. Некоторое время шли молча, потом Оля, которую распирало невыносимо, задала универсальный вопрос:

– Вот что в голове у таких дамочек?

Он солидно поддакнул:

– В самом деле, что?

Опытный в общении с этой отдельно взятой красавицей и умницей, он предпочитал сначала выяснить предмет дискуссии, а до того огульно поддакивать.

– Пьяная, вылетает на мороз в туфлях, несется под горку, в лес. Потом начинается: спаситепомогите, меня, несчастную, ссильничали…

– Или что похуже, – со знанием дела добавил парень, – может, гулящая?

Оля, вздернув нос, глянула снизу вверх и все же свысока:

– Само собой, какая же еще! Рыжая, вырез до пупка, когти полированные, да еще и губы крашеные – фу!

Колька, вспомнив пьяницу-красавицу, лишь ухмыльнулся.

– Интересно, что за военный? – вслух размышляла Оля. – Никогда его не видела.

В «Летчике-испытателе» народу было мало, и все наперечет. Упрямых зимовщиков знали в лицо, и не только письмоносица товарищ Ткач. Летчики запросто, не чинясь, как простые

землеходящие, наведывались в магазины, смотрели кино, бегали на лыжах. Согласившись, что тоже никогда его не видел, Колька замолчал.

В окне Гладковых было светло. Вера Вячеславовна трудилась.

– Чайку попьешь? – спросила Оля, берясь за дверную ручку.

Колька представил себе Гладкову-старшую, неестественно спокойную, осунувшуюся, с покрасневшими, но неизменно сухими глазами, и снова без тени духов, цветных платочков, сережек.

«Нет, не хочу», – решил парень и отказался:

– Что ты, неловко, поздно уже.

Поцеловались и распрощались.

… На обратном пути Колька размышлял: а ведь неприятно будет приходить домой, а бати нет. Отец, он такой тихий, даже незаметный, никогда не лезет с нотациями, не дает советов, когда не просят. Не как иные: так, я все понял, сейчас наставлю – а сам дурак дураком. Нет, отец молча занимается своими делами, не чураясь при этом ни прибраться, ни окна помыть, ни собрать поесть. Кисель сварить или свой знаменитый борщ с мозговой костью, вареное мяско с которой полагалось, тонко настрогав, поглощать, погрузив его в самодельную горчицу – вырви глаз…

Конечно, не это главное. Просто Колька и самому себе бы никогда не признался, как до сих пор чертовски рад, что отец жив и что со времен его возвращения никак не может ни нарадоваться этому факту, ни намолчаться с ним. Разговаривали-то они, как и положено мужикам, редко.

Выяснилось, что и у Пожарских горел свет.

– Ты что, меня ждешь? – сурово вопросил Колька.

Игорь Пантелеевич тотчас возразил, указывая на бумаги и какие-то немецкие журналы, разложенные на столе:

– Конечно, нет, тружусь вот. Замерз, что ли? Чайку?

И тотчас отправился на кухню.

Вымывшись и переодевшись, Колька чаевничал, пристроившись с другого края стола. Уютно светила лампа, за задернутыми занавесками шел плотный снегопад. Отец, сверяясь с записями и словарями, что-то обмозговывал, вычерчивал, иной раз впадая в особый транс, глядя в стену, на которой, кроме ковра, изучать было нечего. Молчали, как положено, но Колька совершенно очевидно понял: тоскливо будет без бати.

Глава 6

И ведь точно помнил Сергей, что надо бы заскочить к Остапчуку, мстительно сдернуть этого опытного: пускай поработает тоже, а спохватился лишь у ворот дома пять по Нестерова.

«Совсем из ума выжил. Куда вот опять побежал, под горочку с песней? И зачем я вообще поперся сам? И что там за буза, что нельзя позвонить ноль-два, как все нормальные люди? Опять, поди, ерунда на мою голову».

Калитка скрипнула, выглянул человек, протянув руку, представился:

– Инженер-полковник Кузнецов, Максим Максимович. С кем имею честь?

Акимов отрекомендовал сам себя участковым, спросил:

– Что все-таки у вас стряслось?

– Прошу вас, товарищ, – и, развернувшись, последовал к дому.

Ничего и не оставалось, как последовать за ним. Лица хозяина Акимов не разглядел, понял лишь, что человек нестарый – шаг упругий, резкая отмашка. Дошли по расчищенной дорожке до дома, хозяин отворил дверь, вошел первым.

Сергей огляделся. Он припомнил, что дача эта пустовала долго, казалось бы, за ее заколоченными окнами должны развиться обычные при таких обстоятельствах напасти – сырость, грибок, жучок или что там заводится. Ничего подобного тут не наблюдалось. Напротив, судя по всему, недавно закончили ремонт, и дом, изначально летний, теперь был доведен до ума так, что на улице мороз, а тут тепло, как на курорте.

Мебели и скарба немного, но все к месту, уютно. В ярко освещенной прихожей зеркало в богатой оправе, лосиные рога, на них папаха, ушанка и женская шапочка из меха неведомой зверушки. У тумбы две пары мужских валенок и изящные женские сапожки. На вешалке, бережно пристроенная за плечики, шинель.

Вторую Кузнецов как раз скидывал с плеч. И как раз сверкнул орден Красной Звезды: не ошибся глазастый Пожарский.

«Откуда это он, эдакий, среди ночи да при параде?»

Глаза привыкли к свету, Акимов смог разглядеть хозяина. Лет под сорок, высокий, поджарый, в отлично пошитой форме. Внешности самой обычной: продолговатое лицо, волосы темные, с проседью, вьются, лоб высокий, широкие брови, срощенные над переносицей. Глаза карие, нос удлиненный, с заметной горбиной, тонкие губы, подбородок треугольный, выдается, выскоблен до синевы.

По-прежнему не пускаясь в разъяснения, Кузнецов отворил дверь и кивком пригласил Акимова подойти. Было в его манерах нечто эдакое, превосходящее по властности полковника, – генерал, не то и маршал.

Сергей заглянул в помещение, оказавшееся уборной. Там было распрекрасно, как в музее: стены и пол отделаны невообразимой плиткой, новехонький сияющий унитаз и поразительная, пожалуй, что и медная, ванна на толстых львиных ногах, с кольцами на бортах.

И в этой красоте, откинув голову, уронив челюсть и выставив кадык, лежал мертвец.

Бледная до синевы кожа, на которой курьезно выделяется темная бородавка на крыле носа, провалившиеся глазницы, острота черт – все говорило о том, что «Скорая» тут не нужна.

Кипенно-белый ворот рубахи колом стоял над красной водой, торчали колени, обтянутые галифе. Тускло поблескивали защелки помочей. Рукава рубахи были ровненько, тщательно подвернуты до локтей, обе руки чинно, покойно лежали вдоль тела, ладонями вверх. На запястьях зияли две глубокие раны – изначально тонкие, теперь расползшиеся, с набухшими, пористыми краями разошедшейся плоти.

И ведь до такой степени, отчаянно замученным был Акимов, настолько в больной голове было пусто и гулко, что хватило его лишь на то, чтобы, пощупав пульс, буркнуть:

– В таких случаях все-таки принято «Скорую» вызывать.

Полковник скривил рот:

– Шутите вы так, товарищ? Какую «Скорую»? Тут все три литра, как на скотобойне.

Сергей соображал: «Нет никакого смысла сейчас детально шарить – все равно надо идти к телефону, вызывать врача, понятых… опергруппу-то? А стоит ли? Картина очевидная, даже если вспомнить указания на недопустимость хвататься за первую напрашивающуюся версию. А вызову – приедут и в ор: чего дергаете опергруппу, своих глаз-мозгов нет?»

Было такое пару-тройку раз.

Он осторожно обнюхал полуоткрытые губы погибшего – так и есть, выхлоп, и нешуточный. Увидев на его пальце обручальное кольцо, спросил:

– Женат? Кому сообщить?

– Вот как раз по этому поводу… – начал было Кузнецов и вновь замолчал, потирая лоб.

Акимов подождал продолжения, не дождавшись, спросил:

– Ну что?

– Видите ли, товарищ, именно с этим моментом связана была моя просьба позвать вас. Я должен объяснить. Это мой друг, давний. Капитан Павленко, Иван Исаич, казначей увээр семь. Квартирует на этой даче, временно.

Сергей наконец прозрел:

«Вот где я его видел. Этот новый Верин снабженец, который ей подряд с военстроем подладил».

Из военного городка часть перевели, а расквартировали строителей, участок военработ номер семь, которых подрядили на ремонт подъездной дороги к текстильной фабрике. Вот этот-то отставник, инженер-полковник, который недавно устроился на фабрику в отдел снабжения, и уладил дело с подрядом. Акимов сам в части не был, но этот товарищ по поручению командования части звал Сорокина на «прописочный» банкет, что по случаю прибытия строителей был закачен на территории. Не бойца послали, а инженер-полковник прибыл нарочно за рулем черной «Победы».

«Кстати, она не тут ли? Может, и телефон не нужен?»

– Машина где ваша?

– Моя? – удивился хозяин. – Нет у меня машины. Не мой, служебный транспорт.

– Понятно, – вздохнул Акимов. Значит, придется-таки тащиться к соседям.

– Вы не откажетесь пройти со мной в седьмой дом?

– Пожалуйста, только зачем? Боитесь, что я его в сортир спущу?

– Не то чтобы… – начал было мямлить Сергей, но Кузнецов справедливо заметил:

– Товарищ Акимов, если бы я хотел скрыть что-то от власти, не стал бы за вами посылать.

– Так почему не позвонили ноль-два, как положено?

– Я и пытаюсь втолковать, – проворчал полковник, начиная раздражаться. Гладко выбритые скулы заалели. – Момент личного характера имеется. И еще одна персона.

– А. Понимаю, – наконец сообразил Акимов, припомнив рапорт Пожарского, – так можем и ее прихватить, персону-то.

Тонкие губы дрогнули, можно сказать, что Кузнецов улыбнулся, и оттого лицо у него стало куда приятнее. Мрачноват инженер-полковник, если не сказать угрюм.

– Если только волоком. Идти она не может.

Акимов вздохнул. Кузнецов, помявшись, решился:

– Товарищ оперуполномоченный, покурим? Давайте попробую по возможности все обсказать подробно.

Глава 7

Они вышли на кухню.

– Прошу вас, – Кузнецов указал на стул, придвинутый к роскошному дубовому столу.

«Накрыто на троих. Самовар, чайные приборы – чашки, блюдечки, варенье, две рюмки, фужер, полбутылки шампанского. Любопытно. Что, товарищи военстроители шампанское из рюмочек потребляют?»

Полковник, отодвигая стул для себя, чем-то звякнул, и, рыча, прокатилась по доскам пола бутылка.

– Вот косолапый, – выругал себя хозяин, поднимая пустую посуду.

«Молдавский-то коньячок. Ах да, откуда их перевели-то? Вроде бы Кишинев, Николаич упоминал. К этому и коньячок…»

Полковник предложил сигарету «Кэмел». Выкурили по одной в молчании – Акимов с превеликим удовольствием, хозяин – без, очевидно, за компанию, старательно обдумывая, с чего начать. И, наконец, заговорил:

– Ивана бросила жена. Красивая, но стерва, вертихвостка, а у него к тому же силенок поубавилось после ранения.

Сергея как будто дернуло, рука сама потянулась к плечу.

– Сбежала она с одним снабженцем… не хочу ругаться при покойнике. Ваня переживал, любовь с детства и всяко-прочее. Виду не показывал, мужик, не тряпка, но тоска ела. Решил я, дурак, утешить его, пригласил Галину… ну, Ивановну. Сослуживцы, можно сказать: она счетовод в 7-м Участке военработ (УВР), он казначей, думаю, поймут друг друга.

– С чего ее вдруг?

Полковник снова смутился, но махнул рукой:

– А, пес с ней. Скажу, вы мужчина, поймете. Галина – моя бывшая любовница. Я вдовец, жена, сын сгинули при бомбежке… не устоял. Так-то я не любитель, ненадежный народ, глуповатый, с тараканами.

Акимов попытался побороться за справедливость:

– Вы не преувеличивайте.

– Так я своих знакомых имею в виду, – уточнил хозяин, – видать, только мне не везет. Вот директор нашей текстильной фабрики, как ее бишь… Гладкова. Толковый товарищ администратор.

Сергей промолчал, гордясь своей сдержанностью. Полковник поднял угол рта в знак улыбки:

– Коньяку желаете?

Акимов застеснялся.

– Прошу, без чинов. – Кузнецов выставил на стол два сияющих бокала, извлек из заветного погребца флягу и свинтил крышку.

Ноздри Сергея задергались – подобный запах он обонял лишь раз, в Нормандии, и помнил до сих пор: «Теперь вот и французский. Отменно у него со снабжением».

– Итак, Галина, – продолжил полковник, гоняя коньяк по бокалу, – дочь деятеля из Генштаба и замужем, между нами, за товарищем из госбезопасности. И, главное, сразу не призналась, каково? Пудрила мозги, моталась ко мне, а мужу свистела, что в ночной санаторий ездит, в связи с нервным переутомлением…

Акимов, отхлебнув амброзии, неопределенно хмыкнул.

– Потом еще надумала себе нечто, какие-то перспективы, пожелала большего. Начала предъявлять права и бабские скандалы закатывать. Прекратил я все это.

Выпили, Кузнецов предложил еще сигарету, Акимов не отказался.

– Составила она нам компанию. Сидели втроем, беседовали. Смотрю: поладили. У меня выдался трудный день: с утра по кабинетам, собраниям – заседания, болтология. Короче, утомился я, будто камни ворочал. Извинился, пошел наверх – да так в кресле и отрубился, при полном параде. С час проспал – как вдруг будто дернуло, – полковник снова потер лоб, да так, что и у Акимова шрам задергался, – вы фронтовик, знаете, бывает иной раз.

Сергей утвердительно кивнул. Ничего себе коньячок, как разливается бодрость по жилам, с каждым глотком даже как-то силы прибавлялось, уверенности. Хоть ежедневно такое лекарство принимай.

– Встал я, спускаюсь ополоснуть физию – а Иван вот. Проверил – пульса нет. И Галины нет. Дверь входная нараспашку, сапоги ее у тумбы. В одних туфельках по сугробам усайгачила…

– Что же случилось?

Полковник вздохнул:

– Не знаю, что тут было. Может, повздорили, или позабыла заранее Ване сообщить, что замужем, а он огорчился. Я так в одних сапожках полетел за этой психической, и хорошо, что успел. Хорошо, что пионеры на лыжах встретились.

Помолчали. Кузнецов заявил прямо, уже без обиняков:

– Понимаете, к чему может огласка привести?

Акимов пошевелил пальцами, обозначая собственные колебания, спросил:

– Так, а сама Галина где теперь?

– Да там, наверху, дрыхнет. Коньячок на шампанское уложила, для обогрева и на нервах, увлеклась. Идите удостоверьтесь, – предложил полковник, без тени издевки, – наверху, в левой спальне.

Вроде бы и неловко, но сходил-таки Акимов. В указанной комнате на роскошной двуспальной кровати, едва прикрытая цигейковой шубой, почивала навзничь рыжая кудрявая феечка – точь-в-точь яркий лоскут, небрежно брошенный. Роскошные, наверняка подкрашенные волосы. Курносый носик, пухлые губы, над верхней – бархатная родинка, на красивой длинной шее – вторая, точно две указивки, куда лобызать. Стройные белые ноги, с одной из которых сполз чулок и болтался черным кольцом на тонкой щиколотке. Свисала до пола холеная длиннопалая рука, в кольцах, перехваченная красивым браслетом. И витал над этим ужасный аромат тяжелых духов и алкоголя.

«Ведьма, сбитая зениткой», – Сергей, потянув шубейку за полу, попытался прикрыть голые конечности. Застудится ведь товарищ счетовод. Она, не открывая глаз, промяукала сорванным голоском: «Максимушка, нет… не могу».

Акимов смутился и сбежал вниз.

Кузнецов безмятежно выпивал на кухне.

– Я все-таки пойду позвоню. А вы, пожалуйста, не уходите.

– Само собой, – заверил полковник, – куда ж мне деваться.

Обитатели дачи номер семь по улице Нестерова – родители товарища героя-летчика Луганского – без вопросов допустили знакомую персону до телефона.

«Куда звонить? – соображал Сергей. – Криминала очевидного нет, в сотый раз по шапке за фальстарт и напрасно сожженный бензин опермашины. А то и проверку пришлют, тогда, понятно, крышка. Нет, на Петровку не стану звонить. Вот врач-то в любом случае нужен».

Он набрал номер больницы. Отозвался сонный, сердитый, но в меру бодрый голос:

– Причал торпедных катеров.

Стараясь звучать солидно, внушительно, лейтенант представился:

– Оперуполномоченный Акимов. Необходим врач в «Летчик-испытатель», улица Нестерова, дом пять.

– Что за новости, Сергей Палыч? Звоните ноль-три.

Сергей смутился.

– Маргарита Вильгельмовна? Чего это вы… на посту?

– В хворях все да в отпусках. Что стряслось?

Акимов хотел было объяснить, но, глянув на хозяев дачи, интеллигентных старичков, ограничился горячей просьбой:

– Миленькая, очень надо. Хотя бы фельдшера и двух санитаров.

Нет, не прав полковник Максим Максимыч, огромное количество умных женщин в Советском Союзе. И самоотверженных. Иначе с чего бы главврач Шор, тяжело вздохнув, сообщила, что сейчас сама прибудет.

Поблагодарив хозяев, Сергей вернулся в дом пять.

Кузнецов сидел там, где он его оставил, изучая какие-то бумаги, что-то прикидывая, чирикая карандашом.

«Спокойно как держится, – отметил Акимов, – как будто ежедневно, спускаясь в умывальню, натыкается на трупы старых друзей и подчиненных».

С другой стороны, ну а что ему делать? Биться в истериках?

– Сейчас врачи прибудут.

– Ситуация такая щекотливая… – начал было Кузнецов, но на этот раз Акимов решил твердо прервать:

– Понимаю ваше беспокойство, но без этого никак нельзя. Мы будем осматривать тело, а не вашу даму.

– Она не моя.

– Тем более.

С улицы посигналили: прибыли медики.

– Дорогой мой, надеюсь, это разовое мероприятие, – недовольно заметила доктор Шор, выслушав краткую вводную, – я старая больная женщина, могу не перенести подобных зрелищ.

За время их знакомства Акимов прекрасно усвоил правила общения со «старой больной» и потому лишь кивал, не забывая преданно глядеть в рот и держать протокол наизготовку.

– Максим Максимович, приветствую, – Маргарита Вильгельмовна кивнула хозяину.

– Мое почтение, – он, поднявшись, щелкнул каблуками, – как машинка, бегает?

– Сами видите, на ней и прибыли, – улыбнулась она и, повернувшись к Акимову, уже без тени радушия буркнула:

– Где и что?

Осмотрев тело, врач Шор ворчливо спросила:

– Изволите меня ждать? Свое все написали?

– Да, – кротко ответил он.

– Так и записывайте мое, я все равно скажу немногое: труп находится в ванной, наполненной жидкостями, по виду напоминающими смесь воды и крови. Труп лежит на спине, голова на краю ванны. Ноги согнуты в коленях, руки вытянуты вдоль тела, на запястьях присутствуют следы воздействия острого предмета, предположительно бритвы… «Золинген».

«Прямо вот так?» – восхитился Сергей, но, по счастью, вслух ничего не сказал, потому что Маргарита бестрепетно погрузила руку в ванну, извлекла указанный предмет.

– «Золинген-вингольф», трофейная, расположена на дне, под левой ладонью, примерно в пяти сантиметрах от пальцев. Есть куда изъять?

«Изъяли» на белый платок, предложенный хозяином.

– Ваша? – спросил Акимов.

– Моя, – подтвердил Кузнецов, – хорошая бритва.

– Оно и видно, – вздохнула Маргарита, осматривая вспоротые запястья. И продолжила: – Далее. На обоих запястьях с внутренней стороны имеются надрезы глубиной примерно пятьдесят миллиметров, длиной около семи сантиметров. Вены на запястьях вскрыты. Грудная

клетка упруга при сдавливании, при надавливании из отверстий рта и носа ощущается запах этилового спирта. Все. Можно забирать?

И, не дождавшись разрешения и даже ответа (никакого почтения к власти), отдала распоряжение санитарам.

– Не вздумайте превращать это в систему, – предупредила она напоследок, – иначе настучу на вас, куда следует. Не помилую.

Машина уехала. Сергей глянул на хронометр. Третий час.

– Товарищ полковник, напоминаю, что при необходимости и вы, и Галина Ивановна должны будете явиться для дачи показаний…

Кузнецов заверил, что деваться никуда не собирается:

– У нас тут объект, и подозреваю, что будет не один. Надеюсь, мы тут надолго. Я вызову машину, довезут вас до дому.

– Не дергайте людей ночью. Я пешком.

Проводив представителя власти до калитки, Кузнецов спохватился, попросил подождать и, сбегав в дом, принес какую-то укупоренную скляницу.

– Возьмите. Флюид поистине конский, после ранений – незаменимая вещь.

– Да я…

– Бросьте, – приказал полковник, – отказа не приму, обидите.

Пришлось прихватить.

Дома уже, ополоснувшись и пробравшись через соседок, Акимов решился, открыл подарок.

«Ух, вот это запашина, аж сон пропал. Что за зверское зелье?»

Состав оказался не просто конским, а адским, крутило и жгло так, что целую вечность вертелся Сергей, беззвучно подвывая, пока соседка баба Валя не пригрозила привязать к кровати, чтобы не скрипел. Бежать оттирать маслом или еще чем и в голову не приходило, ибо тогда пришлось бы снова пробираться сквозь территорию, занимаемую рассерженной бабкой. Пришлось кусать подушку и страдать молча.

Потом внезапно жжение прекратилось, наступили мир и успокоение. Сергей с наслаждением отключился.

Глава 8

– Заканчиваем прием пищи! – командует новый мастер Мохов, складывая газету.

– А что во рту – выплюнуть или можно проглотить? – шутит кто-то.

– Можно и проглотить, – хмыкает Мохов, – можно и лопату в руки да во двор.

Это значит дворнику помогать. Снегу за прошедшую ночь нападало порядком, так что более желающих зубоскалить не находится. Колька отправляется работать, завернув на всякий пожарный кусок хлебушка. Трудиться-то будем по-взрослому, не грех и проголодаться. Они с верным «хаузером» вкалывают на совесть, иной раз и молодняк доверяют подучить – осторожно, конечно, чтобы без пальцев не остались.

Колька на хорошем счету. Он без удовольствия глядел на «мелких» первокурсников: вот кому не придется, как старшим, хлебать горя полной ложкой. Полное обмундирование – к тому ж на смену выдают по две рубахи и пары брюк, – плюс шинели, плюс отменные бушлаты, помимо ботинок (двух пар!) еще и валенки. И ежедневное бесплатное трехразовое питание – неудивительно, что скоро даже у доходяг перестают горестно болтаться ременные пряжки с литерами «РУ». Огнем горят на выдающихся пузах.

«Да и на здоровье, главное, чтобы работали как следует», – солидно рассуждал Николай. За себя-то он спокоен, судя по всему, получит он в итоге вместе с дипломом третий, а то и – тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, – четвертый разряд. А что, нет? Умеет, и многое, начиная с заточки резцов до обработки разнообразного материала, не только стали, но и алюминия, и даже цветного металла – было, а как же!

И в качестве старшего наставника очень даже может – глаз острый, реакция отменная. Предотвратил же ЧП, когда вон тот пацанчик, за соседним станком, чуть пальца не лишился, да еще и по глупости: задумал стружку почистить, не заглушив механизм. Не разорись Колька, не надавай по рукам – остался бы мальчик без фаланги, а то и всего органа. Металлическая стружка замотает – и в момент отлетают пальцы, ровнехонько, как бритвой. Повидал уж, и опытные страдали, с усталости или недосыпа.

А все потому что кадровый голод, так говорит старый мастер Семен Ильич.

Вот это тот еще зубр, при нем бы не случилось, от его дремучего, якобы сонного взгляда ничегошеньки не скроется. Но он стареет, да и учащихся становится все больше – само собой, это хорошо, но таких, как Ильич, уже не хватает и заменить некем. Ведь чтобы мастером стать, недостаточно комсомольского задора и дипломов, нужны время и опыт.

А молодые, пришедшие отправлять старого на свалку истории, прямо скажем, безалаберны и беспечны. Вот разве что Мохов отличается: неплохой, толковый работяга, пусть и зануда.

«Ты вот сам таким не становись. Все бы тебе других критиковать, – осадил себя Колька, – работай как положено, а эти пусть за себя отвечают перед кем следует».

Подошел мастер Мохов, похлопал по плечу:

– Пожарский, на минуту отвлекись. Есть задача, небольшая, но важная.

Разложил чертежи, бумаги, начал объяснять – Колька, разумеется, слушал вполуха, охота же ему талдычить одно и то же по сотому разу. Очнулся лишь тогда, когда мастер Мохов в третий раз подчеркнул:

– Стружку сметать в особый ящик.

– Зачем это, Егор Саныч? – не подумав, удивился парень.

Мастер Мохов глянул с укором:

– Все-таки ушами прохлопал, щегол? Рановато, стало быть, тебе поручать.

– Я что, я не отказываюсь, – поспешил заверить Колька, – так, уточнить. Пусть будет в отдельный ящик, ничего.

Мохов, поворчав, произвел настройку, сначала сам нарезал несколько единиц, демонстрируя порядок действий. Проконтролировал, как справится парень, одобрил, напомнил: «Не рвись. Главное – это качество». И отправился гонять других.

«С чего бы это стружку-то особо? – раздумывал Колька. – Материал, что ли, какой ценный?»

Присмотрелся к чертежу – кто его поймет, что тут. Странная маркировка материала, не видал такой.

«Ишь, какие вещи доверяют, таинственные! И ничего, что у меня и разряда-то такого нет? Да и пес с ним. Разберутся. Главное, что могу и без брака».

Мастер Мохов, проверив партию, похвалил: получилось как на продажу.

– Ах, на продажу, – повторил отец, выслушав рассказ за вечерним чаем.

Колька даже обиделся. Он-то не без гордости спешил поведать об успехе, а батя чего-то куксится.

– Ну что ты, ничего, – поспешил заверить отец, – только мой тебе совет: впредь не связывайся с такого рода задачами.

– Это почему так? – с вызовом вопросил сын.

– А потому что не исключено, что ты этому ушлому левую партию сделал, – терпеливо разъяснил Игорь Пантелеевич, – все просто. Зачем учащемуся без соответствующего разряда поручать обработку спецматериала?

– Может, и не спец…

– Может, – мирно согласился батя, – если бы ты маркировку мог воспроизвести сейчас, мы бы с тобой установили точно, а так только предположение могу сделать. Сам подумай, зачем стандартную стружку в отдельный ящик собирать?

– Для опрятности.

– Для сдачи отходов по нормативу, это вернее. В общем, если это была спецсталь, то оплачиваться такая работа должна по особой, повышенной тарифной сетке.

– Это же учебное задание, неоплачиваемое, – продолжал упрямиться Николай. По инерции он понимал, к чему дело идет.

Отец с улыбкой успокоил:

– Тебе – неоплачиваемое. Деньги другие получат.

– Ну разберутся там, наверху.

– Обязательно. Только ты, пожалуйста, в химии такой не участвуй больше.

– Ну а если настаивают?

– Так и говори: разряда не имею, боюсь напортачить, испортить дорогой материал. И вообще, по возможности избегай любых секретных поручений непонятно от кого. И с Моховым этим поосторожнее. Сам понимаешь, к чему все эти «на слабо» могут привести.

Да уж само собой, понимал Колька и помнил.

– Вот видишь, Тонечка, этого я и боялся, – изложив дело жене, сокрушался Игорь Пантелеевич вечером наедине, – подвержен он чужому влиянию и все еще ведется, как пацан.

– Он же хотел, как лучше, – робко заметила Антонина Михайловна, – проявить мастерство.

– Молчун он, вот что плохо. Вроде бы соглашается, а делает, как считает нужным. Все желает сам решать, всей правды не скажет – вроде бы и не врет, а получается еще хуже. И некритично относится к тем, кто ему по душе…

– Игорек, боюсь, тут уж ничего не поделаешь. Не маленький мальчик.

Пожарский-старший вздохнул:

– Ладно, Тонечка. В конце концов, если все удачно сложится, защитит Николай диплом – попрошу за него устроиться на «ящик».

Интересно, что такого же рода робкие надежды посещали и Колькину голову. Вообще инцидент с военным разбередил старые раны. Форма, сияющие сапоги, орден – мечта несбыточная.

Момент со службой был для него больным. Даже если получится добиться УДО, с судимостью не призовут, он уже выяснил.

А служить хотелось.

Кому улыбается всю жизнь объяснять, почему не был в армии, притом не инвалид, не с закрытого предприятия. Вот и думал: разве что получится к бате пристроиться на «ящик», если все сложится, как надо – тогда, конечно, вопросов не возникнет, еще вопрос, кто больше послужит Отечеству.

Понятно, что путь в небо закрыт, а ведь жалко до боли!

Он вспомнил, как в июле гоняли с Олей на авиационный праздник в Тушино. Вся Москва, казалось, собралась тут, все глаза были устремлены в небеса, туда, куда вот-вот воспарят сталинские соколы. Взвился флаг, и вскоре без малого сотня самолетов чертила в небе всенародный привет вождю и учителю, создателю советской авиации: «Слава Сталину». А ведь за штурвалами-то сидели люди, которые отличным образом совмещали труд по основному месту и занятия в аэроклубах! Проплыли вертолеты, планеры, на смену вышли боевые машины, выполняющие фигуры высшего пилотажа: реактивный истребитель Яковлева, напоминающий стрелу самолет Микояна и Гуревича и, наконец, пятерка реактивных самолетов. Они в мгновение ока перемещаются по небу, четко держа дистанцию, и кажется, что они управляются одним человеком…

Как-то само собой так получилось, что восторг сменился черной завистью, кулаки сжимались, злые слезы кипели на глазах, казалось, что достаточно захотеть – и ты уже там, в одной из этих сказочных машин. Колька с трудом опомнился: как не стыдно злиться на то, что жизнь пролетает мимо?

«А ну, отставить мечты, – приказал он себе, – еще посмотрим, каково оно все будет. Работай как следует – и будь что будет».

…Все бы ничего, да без бати тоскливо. Уехал – и так пусто, одиноко стало. Вроде бы и понимаешь, что нужнее он в другом месте, – а все равно. Мама как-то снова посерела, Наташка посмурнела и иной раз похныкивать снова начала.

Грустно.

Глава 9

Вера Вячеславовна в десятый раз перечитывала требование, составленное с расчетом на то, чтобы сбить с толку шпионов, буде таковые найдутся и возжелают поставки «ста учетных единиц текстильного материала типа бязь, каковые должны быть отгружены нижеперечисленному на вышеизложенных условиях» и тэ-пэ.

В дверь постучали. Гладкова подняла измученные многословием глаза:

– Да?

Заглянула секретарь:

– Вера Вячеславовна, к вам товарищ Кузнецов.

– Какой… ах, да, конечно. Пригласите, пожалуйста.

«Снова-здорово. Что ему еще надо? Все ж согласовали, утрясли, сколько можно воду толочь?»

Вошел Кузнецов, щелкнул каблуками:

– Здравия желаю.

Директор суховато отозвалась:

– Добрый день, Максим Максимович.

Нельзя сказать, что новый снабженец ей неприятен. Спору нет, смотреть на него одно удовольствие: аккуратный, подтянутый, ни морщинки под ремнем. Вкалывает наравне со своими и наверняка недосыпает – вон какие синяки под глазами, а собранный, энергичный, ни тени томности.

Энтузиазм этот его выводил из себя, готовность лезть не в свои дела, дотошность, въедливость, нежелание понимать прямые намеки – «Товарищ, мы все уже обговорили, не пора ли закругляться?» – и в особенности неизменное спокойствие и отменная вежливость. Вера Вячеславовна, подавив желание скрипнуть зубами, указала на стул:

– Прошу вас.

– Благодарю. Я много времени не займу, – пообещал он, – лишь уточню пару моментов по смете.

И вынул из планшета бумаги и карандаш.

«Я так и знала, – Вера Вячеславовна, немедленно внутренне ощетинившись, выбила пальцами дробь по столешнице, – что опять не слава богу? Пожалели, что задешево согласились?»

Вся эта ситуация, ужасная в своей двусмысленности, выводила из себя. Вроде бы ничего плохого не делаешь, а вот уверенности в собственной правоте нет. Но что делать?

Отставной инженер-полковник Кузнецов, новый начальник отдела снабжения, имел множество связей в военной среде. Спору нет, это решает массу вопросов.

Большинство строителей-подрядчиков прикреплено к министерству, и, чтобы добиться их драгоценных услуг, необходимо выбить себе место в госпланах. А план всегда условность, всегда случаются форс-мажоры, это азбука. Что-то ломается, рушится, проваливается внезапно, и умелые руки нужны прямо сейчас, экстренно, а не в будущем квартале и то, если повезет.

Гладкова успокаивала себя: да, не по правилам действует снабженец. Но ведь не она одна изыскивает скрытые резервы, многие директора лично договариваются с военными на строительство частным порядком. К тому же сейчас нередко при передислокациях военных освобождаются рабочие руки, и общеизвестно, что командование на это время позволяет выполнять по договорам некоторые работы у гражданских организаций, только без огласки.

Кому плохо от этого? Все понимают, что деньги, которые получает командование военспецов за работы, выполненные подчиненными, скорее всего, до союзного бюджета не дойдут.

Да, такие отходные промыслы в целом подрывают финансовую дисциплину. Однако разве это не на совести командования, куда они направят вырученное?

А подъездной путь текстильному производству нужен вчера, очень нужен, и даже не вчера, а позавчера, потому-то и затеяли стройку в мороз. Позарез были необходимы эти девятьсот восемьдесят метров до центральной магистрали. Объемы производства возрастают, тоннаж транспорта увеличивается, а дорога – край, заплата на заплате. К тому же участки, следующие через два кювета, уже в таком состоянии, что некоторые шоферы наотрез отказываются рисковать: разгружайте, дескать, тут. А ведь это деньги, время, и вот уже возникают вопросы о перерасходе средств.

Между тем Кузнецова рекомендовали знающие, надежные люди, и сам он, выслушав поставленную задачу, после недолгих «утрясок» нашел тех, ЧТО предложили лучшие условия и сроки назвали минимальные.

Так почему теперь этот товарищ постукивает карандашом? Почему совершенно определенно тянет время под тем соусом, что ждет от нее… чего именно? Неужели судьбоносных решений? Именно сейчас, когда ей совершенно ни до чего, месяц как на валерьянке, и, по правде говоря, чертовски раздражает любой человек, в особенности мужского пола.

– Итак, вас что-то не устраивает, товарищ Кузнецов? – прямо спросила Вера Вячеславовна. – Военстроители подсчитали-прослезились, что задешево согласились?

Кузнецов взглянул с некоторым удивлением, но, пожав плечами, ответил нейтрально:

– Спишем на то, что устали и нервничаете. Серьезная нагрузка, понимаю.

– Оставим в покое мое печальное положение, – огрызнулась она.

– Я не против. Итак, по смете.

Он карандашом подчеркнул итоговую сумму и две другие строчки в реестре:

– При тех исходных поставленных задачах, то есть длина, ширина, высота, два оврага…

– Кювета.

– Пусть так. Вот здесь, по этим двум позициям, – он постучал карандашом, – можно снизить смету минимум на двадцать процентов.

– Надеюсь, не за счет качества? – колко спросила она.

Повисла неловкая пауза. Кузнецов совершенно определенно подавил вздох.

– За счет экономии подрядчика. Слыхали про такое или ни разу? Под конец года тратите все под ноль, как бы обратно не отобрали?

Вера Вячеславовна, вспыхнув, опустила глаза. Уши начали гореть.

«Ведешь себя, как девчонка. Что, в самом деле, на человека окрысилась? Если вправду возможно не тратиться, то что плохого? Лишь то, что свои гнилые настроения переносишь на окружающих».

Упрекнуть-то ни Кузнецова, ни военстроителей не в чем: подготовительные работы велись добросовестно, быстро, качественно и с опережением обозначенного графика. По оформлению – все кристально прозрачно, безукоризненно, на любую операцию-поставку немедленно представляется вся нужная документация. Все предъявляемые бумаги – договоры, акты, счета, поручения – были составлены грамотно, толково, в общем, безукоризненно.

Вот только седьмой УВР в них не фигурировал, оформление шло на кооперативную строительную артель «Дорстрой», основанную еще до войны, но и это понятно, так все делают…

Да и при чем тут это? Снабженец – человек надежный, знает входы-выходы, и к тому же чуткий и неравнодушный товарищ, готовый без волокиты прийти на помощь, решить вопрос. Так, Маргарита Вильгельмовна под огромным секретом поведала, что Кузнецов выбил для «Скорой» новехонький аккумулятор, обойдя каким-то образом проволочки, избавив от бесконечных объяснительных и прелестей выбивания.

От Оли прозвучала история с казармой. Когда встал вопрос о том, чтобы казарму, возведенную для нужд военных, передать под школу (в старой детки уже не помещались, даже в

три смены), товарищ Кузнецов – хотя ему-то что за дело, спрашивается? – лично утрясал дело на всех уровнях от руководства военчасти до секретариата самого Булганина, особо упирая на то, что военчасть, – и само командование подтверждает, – не нуждается пока в этих площадях.

Мало того. После положительного решения вопроса военспецы не без его толковых соображений, высказанных исключительно деликатно, быстро переоборудовали входы так, чтобы вывести их на улицу, и переделали ограждения, чтобы не было претензий по доступу посторонних. Так что теперь в старой школе осталась шаромыга (школа рабочей молодежи), а ребятня грызла гранит наук в помещениях казарм, переоборудованных под классы. При этом участие в процессе снабженца Кузнецова было строго законспирировано. Оля наблюдала все это лично, поскольку заведовала школьной библиотекой.

Еще имел место и общеизвестный казус: поздней осенью прорвало канализацию, и на выездной дороге к шоссе внезапно образовалась колоссальная яма. Чудом удалось избежать очередей у колонок и всеобщей расконсервации выгребных ям лишь потому, что коммуникации восстановили стахановскими темпами, и снова благодаря военстроителям. И снова Кузнецов – в каждой бочке затычка – сумел организовать дела так, чтобы никому не вязнуть в согласованиях – на этот раз с ОРУДом, с административной инспекцией и с прочими инстанциями. Укрепили и восстановили грунт, основание, покрытие и представили комиссии безукоризненный результат. Да, без согласований, но не до них в экстренной ситуации, и комиссия задним числом подтвердила: все в ажуре.

Интересно отметить, что он умудрялся еще и лично контролировать работы. Причем когда один из военспецов попытался задействовать в ремонте бой с демонтажа, Кузнецов, – опять-таки деликатно, но непреклонно, – указал на недопустимость и присовокупил, что в военное время за такое «расстрелял бы собственноручно». Так что, может, и был он утомителен и занудлив, но к качеству его работы претензий быть не могло.

– Я строил с сорок первого, – подтвердил полковник ее мысли, деликатно и даже виновато, – объектов без счета, повсеместно, от Калинина до Берлина. Работали в любых условиях: под бомбами, без подвозов, на подножном материале. И, знаете, наработали-таки опыт экономии народных ресурсов при неизменном качестве.

Тут впервые в его голосе прозвучало нечто возмутительное, оскорбительная снисходительность:

– Так что и наши девятьсот восемьдесят метров осилим, не беспокойтесь.

– Будем надеяться. Прошу вас, ближе к делу.

– Предлагаю обустроить дополнительный слой сыпучего материала за счет излишков.

– Какого рода излишков?

– Изыщем, – кратко пообещал он и продолжил: – С щебнем проблема, но можно задействовать грубоколотый камень, что и дешевле, и быстрее.

– А вы не ожидаете ли премии? А то и возмещения разницы в стоимости между первоначальной сметной стоимостью и по измененному проекту? – колко вставила Вера Вячеславовна.

Он никак не отреагировал, продолжал:

– Для прочности и разделения слоев, чтобы не мешалось, не заиливалось, задействуем изношенные шинели и валенки…

– Какие валенки? – переспросила Гладкова, совершенно сбитая с толку, чуть не добавив: «Вы в своем уме?» Мостить валенками дорогу?

– Ох. Списанные валенки и шинели, в военчасти цейхгауз надо освободить, все равно на выброс. Не волнуйтесь, личный состав босымголым не останется, а стоимость списанного оплачена теми предприятиями, в которых получалось. Да и не наша это печаль. Теперь логи. Вот тут, смотрите.

Он быстро чертил схему предполагаемой дороги, давая разъяснения:

– …у нас идет грунтовый откос, очень нехороший. Укрепляли его не самым лучшим образом, а тут промоина. Предлагаю сеткой. Неплохая, мелкоячеистая, сгниет нескоро. К тому же изыщем и трубы.

«Что за куркуль такой? – удивлялась Вера Вячеславовна, по-новому, с уважением глядя на подчиненного. – Откуда он все это «изыскивает»?»

В этот момент инженер-полковник, продолжая разговор, извлек из планшета несколько пачек денег, новехоньких, в банковской упаковке. Вера Вячеславовна вздрогнула:

– Что это?

– Как что? Излишек.

– Откуда?

Кузнецов, уже не церемонясь, завел глаза, потер лоб:

– Ох. Я ж только что вам все разъяснил. Постойте, – как бы спохватился он, – вы что же решили, я взятку вам сую?

Воцарилось грозовое молчание.

– Напрасно, товарищ Гладкова, напрасно. Не по-товарищески. От вас мне точно ничего не нужно, уверяю.

– Уберите это, – не особо уверенно проговорила Вера.

– Как скажете. Только имейте в виду, что пренебрежение вот этой возможностью, – полковник, сильно нажимая, обвел спорные позиции в смете, – чести нам с вами не сделает.

– Почему это нам с вами? – переспросила Вера Вячеславовна и снова с неуместной колкостью.

– Именно нам. Нравится вам это или нет, мы одно дело делаем. То, что вы не желаете прислушаться к моим доводам, мне в вину, недостаточно я убедителен. Что до этого, – Кузнецов похлопал по боку планшета, в котором скрылся до времени конверт, – то было бы разумнее пустить их на улучшение условий в цехах.

– Это, знаете ли, уже не ваше дело.

– Нет, мое. Я сражаюсь за каждую народную копейку и несу за это личную ответственность. Хорошо, оставим пока. Всего доброго.

Он поднялся и, щелкнув каблуками, удалился, оставив Веру Вячеславовну в раздумьях. И снова как-то все глупо: вроде бы правильно сделано, а вот складывается ощущение, что нет.

Глава 10

Субботнее утро. Завершилось заседание, пионерактив усвистал, кто куда… хорошо, разошелся с чувством выполненного долга. Имеют право, что ж. Было сказано: к сегодняшнему числу принести красиво оформленные рассказы о проделанной за год работе – вот, пожалуйста, принесли. Насчет того, чтобы сообща ломать голову на тему: «Как теперь все это пристроить на щиты, сорганизовать?» – разговора не было.

Теперь вот уже битый час Оля занималась этим единолично, созерцая свеженькие, пахнущие хвоей фанерные щиты и соображая, куда и как прилаживать ту или иную жемчужину детского творчества.

Достижений за год немало, и это радует.

Вон сколько всего нанесли: заметки, рисунки, имеется даже вырезка из «Вечерки». Оля испытывала, с одной стороны, чувство заслуженной гордости – на совесть поработали! – с другой – нарастала паника. К тому же об открытии выставки она неосмотрительно уже отчиталась, дорога отрезана. А куда чего лепить – совершенно непонятно.

– Хватит. Глаза боятся – руки делают. Приступим, торопиться-то особо некуда.

«Допустим, пусть будет так: «Наша дружина», «Готов к труду и обороне», «Наша учеба», «Наш труд»… а все прочее пусть остается для «Нашего творчества».

Оля очинила карандаши, вооружилась линейкой, решительно принялась очерчивать ведущие линии. Далее, открыв две баночки туши и критически оглядев перья, начала выводить буквы. Работа требовала полного сосредоточения, поэтому и лишние мысли покидали голову.

…В последнее время Оля приходила домой лишь под вечер. Понимала, что маме одиноко, что нужно ей, чтобы кто-то был рядом, успокаивал. Однако она, Оля, никак не могла перебороть себя, смириться с тем, чтобы играть сугубо бабскую роль, держать за ручку и охать. Ничем другим помочь она не могла, тогда зачем пытаться?

И мама умница, наверняка понимала: лучшее лекарство от всего – это труд, любимое дело, так что и сама дневала и ночевала на фабрике. К тому же в связи со стройкой приходится вникать и в «непрофильные» вопросы – тоже непросто и требует полного сосредоточения.

«Дела сердечные – это очень важно, но далеко не все, иной раз приходится смиряться с утратами», – солидно рассуждала Оля, которой Колька клятвенно обещал, что никуда от нее не денется, которая и понятия не имела, каково это: на четвертом десятке потерять любимого мужа, затем отца, а потом еще и человека, с которым почти собрались жить долго и счастливо.

Поэтому Оля, не знакомая с этими бедами, сугубо личными для каждого или каждой, свято верила в то, что все можно осилить, если знать, ради чего.

Приняла же она непростое решение не поступать на дневное отделение педагогического. Пусть уж на вечерний, а то и заочку, учиться и работать, чтобы уже к окончанию полноценным специалистом быть, а не аудиторной чуркой с дипломом!

Руководствуясь максимой: «Мы не ищем легких путей», Оля напросилась и править библиотекой. Деньги за это платил директор, пусть и небольшие, но все-таки самостоятельный заработок.

Старшей пионервожатой она также оставалась. Было непросто, зато за счет совмещения куда проще решать сугубо педагогические проблемы. ЦК требует прививать любовь к книге – вот и прививаем, не отрывая от работы ни библиотекаря, ни учителей, обходя острые углы.

Вот, к примеру, русичка Любовь Петровна, в жизни умнейший и милейший человек, к списку для чтения иной раз необъяснимо категорична. Чего ополчилась на Пушкина или Чуковского? Совершенно не выносила сказку о рыбаке и рыбке, саркастично высказывалась о предстоящем отмечании юбилея великого поэта, а уж историю о Крокодиле Крокодиловиче

считала буржуазной мутью, пародией на Некрасова и тайным изложением истории контрреволюционных мятежей.

Оля, поднаторев в школьной дипломатии, справедливо рассудила, что прямой доступ к книгам позволяет не отвлекать лишний раз педсостав. Сидим себе, читаем, что заблагорассудится, и классику, и с новинками, если они в руки попадают, с удовольствием знакомимся, повести и рассказы Ивана Ефремова, «Это было под Ровно» Дмитрия Медведева – и никаких конфликтов!

На курсах пионервожатых настаивали: не менее двух часов в день читайте. Оставалось только кивать с серьезным видом: два часа, как же! Конечно, теперь ночи напролет за книжками не посидишь, устаешь сильно, но скорость чтения у Оли пусть не ленинская, но весьма приличная. Так что в специальном толстеньком блокноте уже имеется длиннейший список, который смело можно рекомендовать ребятам, и куча заметок из газет и журналов, которые можно рассказать и обсудить.

Добрейший директор Петр Николаевич без вопросов выделяет деньги на подписку. И теперь, помимо книг, в библиотеке имеются прекрасные подшивки, и не только «Пионерская правда»: и «Пионер», и «Костер», и «Смена» – они ж не устаревают, и в старых номерах массу интересного найти можно. И находят, и читают, и даже обдумывают.

К Олиному удивлению, на ура были приняты идеи ведения читательских дневников и художественной читки. Она с отдельным удовольствием выкопала и особо отложила грамоты: «Награждается Светлана Приходько, занявшая первое место на конкурсе чтецов-декламаторов» – это вам не чепуха какая-то! Колебались всем миром долго, подходит ли для детского конкурса глава из «Теркина» про смерть и воина? Но обычно покладистая Светка стояла твердо – или это, или вообще не буду выступать. Остальные не желали «позориться», так что она вышла победителем во всех смыслах. Жюри слезы глотало!

Братишка ее вообще герой: вернул в опытный голубиный питомник в Останкино какого-то голубя-героя из турманов, прибившегося к его, Санькиной, голубке. Мог бы и себе подтибрить (как поступали практически все голубятники), а он вернул, да еще и голубку собственную отдал. За что был премирован парой других особенных голубей, запасом пшеницы и дробленой кукурузы. О Санькином подвиге даже в газете написали, вот вырезка из «Вечерней Москвы».

А вот и следующий листочек – фельетон о талантах некоторых к математике под названием: «И осел мозгами шевелит», творение Настьки Ивановой, очень даже достойный. Еще не Зощенко, но и не занудно, и с юмором. Оля не без удовольствия замечала, что у многих ребят отличное изложение, просто необходимо чуть попозже подумать о литературном кружке, выпуске собственного журнала. Сработало в «Республике ШКИД», неужто в ординарной школе не сработает?

«Настькин опус в раздел про учебу пойдет, отлично!»

Так, в разделе про нашу дружину пусть как раз будут вот эти грамоты чтецов, призы по стрельбе, спортивному ориентированию. Сюда же она приспособила фотографии – вырезки из газет, в которых при желании можно было бы разглядеть знакомые мордашки. Не узнать, какие красавцы и красавицы!

«Может, обвести кружочками и пояснительные стрелки вставить – это вот Санька Приходько, это тоже Приходько, но Светка, это Маслов Витька».

Подумав, Оля отказалась от этой идеи – кому надо, узнают.

«Вот подвиги, так и быть, распишу. Сами-то застеснялись. И правильно, пионер должен быть самокритичным, пусть другие хвалят тебя, не ты».

Теперь «Готов к труду и обороне» – а вот тут сами справились. Прямо красные дьяволята, быстрее, выше и сильнее всех. Спортивные достижения – достижения объективные, не место скромности – заслужили.

Жаль Колька-упрямец не желает кружок самбо вести, а к Илюхе Захарову с этим делом не подкатишь, не до того ему: трудится на Пресне, учеником наладчика.

«В раздел «Наш труд» сейчас, пожалуй, сама напишу».

И тут было чем гордиться: в новом здании под библиотеку выделили особое помещение: хватило и на абонемент, и на приличный читальный зал в несколько столов. Хоромы царские. Дружно, сообща перетащили стеллажи и расставили книги, постигая заодно тайны организации библиотечного хозяйства, продумали, как и что лучше расположить.

Хорошо поработали, разве что портреты никак руки не дойдут развесить.

Скрипнула дверь, послышались шаги, и хорошо знакомый голос позвал:

– Оль, ты тут?

Первая мысль была: «Быть того не может!», вторая: «Ого, а вот и рабочие ручки! На ловца и зверь бежит».

Глава 11

Это в самом деле был Анчутка. И Пельмень. Они – и вроде бы нет. Когда неразлучные друзья предстали перед старой знакомой, Оля усомнилась и для верности уточнила, они ли это.

– Мы, мы, что, не похожи? – солидно заверил стройный, плечистый, затянутый в новенькую гимнастерку Пельмень, снимая ушанку. Раздался, ручищи загребущие, похоже, научились не только тырить все, что плохо лежит, но и трудиться на совесть.

– Не-а, – искренне призналась Оля, – я, конечно, подозревала, что, если вас отмыть и постричь, станете ничего себе, но не думала, что до такой степени!

Бравый Анчутка – сияющий до блеска, с надраенными же зубами, белобрысые волосы не без щегольства зачесаны назад, – лихо козырнул:

– Здравия желаю! Как жизнь?

– Ну-ка, покажись, покажись, – Оля покрутила пальцами.

Яшка, молодцевато подбоченясь, шикарно сбросил шинель, обтянул гимнастерку, согнав все складки назад, и изобразил нечто вроде цыганочки с выходом, красуясь новехонькой гимнастеркой, сияющим подворотничком, сказочными галифе и свеженькими, без тени заплат-потертостей, валеночками. И, натурально, само собой, обновленной модели.

– Чего это валенки у тебя такие черные? Опять куда вляпались?

– Непромокаемые валенки, понимать надо, – важно пояснил Пельмень, – строительная хитрость. Опустили в растопленный гудрон, теперь они не промокают, и даже калоши не нужны.

– Откуда ж такие умные и распрекрасные? Какими судьбами сюда?

Андрюха охотно растолковал:

– Так это не мы, это вы сюда, мы из увээр номер семь…

Оля попросила погодить и ее не путать:

– Увээр – это само по себе отлично, вы-то к нему каким боком?

– О, это долгая история, – протянул Анчутка, но Пельмень, не склонный молоть лишнее, был краток:

– Яшка не тот карман взял.

Суть рассказанной истории сводилась к тому, что, задав стрекача из Москвы, они некоторое время поскитались по стране, думая добраться до неких хлебных и теплых краев. Однако то ли по незнанию географии, то ли просто так сложилось, что, вдоволь получив по хребтам и чуть не загремев в тюрягу в Саратове, метнулись в Киев, а там через Сороки в Кишинев. После всех скитаний город показался раем – и тепло, и фрукты прямо на деревьях повсюду, а главное – люди добрые-предобрые.

– Идешь по рынку, а тебе со всех сторон ложки тянут, попробовать дают и творог, и сметану, – вспоминал, чуть не облизываясь, Анчутка, – ух и физию я себе наел – страсть.

Правдоруб Андрюха поправил:

– Это он тебе рассказывает. Попрошайничал он. Шайки свои голубые выкатит и тоненько заведет что-нибудь жалобное, типа «Враги сожгли родную хату».

– А что, и пусть, – отмахнулся Яшка, – не то что не голодали, отжирались. А вот жадность фраера сгубила…

– Причем как раз на рынке, влез в карман к полковнику, который цветочки покупал.

Оля возмутилась:

– Как не стыдно! Человек за цветочками пришел, а ты, варвар… не мог, что ли, ну хотя бы в мясном ряду?

Анчутка возразил по существу:

– Я рассудил: раз негодяй такой тратится на чепуху, стало быть, жирный. В общем, я руку-то в карман, а там – матушки мои! – крючков рыболовных понатыкано!

– И хоп-ля-ля, – продолжил Пельмень, – всунуть-то руку всунешь, а обратно – никак. Стоял, крепился-крепился, раздулся, как самовар, рожа красная, хоть прикуривай…

– Ну, само собой, не сдержался, заорал, как ошпаренный, – радостно продолжал Анчутка, – крючки намертво держат, публика собирается, слышу – лупцевать собираются. А полковник – ничего, расплатился, цветочки забрал…

– Это Максим Максимыч оказался, на наше счастье, – пояснил Пельмень.

– Максим Максимыч – это кто?

– Товарищ Кузнецов, Батя, бывший командир наш, – сообщил Анчутка, – ох и головастый мужик! Он теперь у вас по снабжению, на фабрике.

– Да, слыхала про него, хвалят. И по каким причинам он вас тотчас в милицию не сдал?

– Пожалел, – поведал Андрюха, – нет, ну как с рынка-то вышли, по сусалам навешал, но по-доброму, по-отцовски.

– Не больно, то есть, – уточнил Яшка, – ну а потом, как за уши оттрепал, начал выспрашивать, что да как.

– Хотели сперва деру дать. Да, во-первых, крючки держат, во-вторых, мужик хороший, к тому же и сам растолковал, как положено: что, детки, так и будете как перекати-поле? Война кончилась, надо жизнь налаживать, а вы чуждым… как это?

– Дезорганизующим, – четко выговорил Анчутка.

– Во, этим самым элементом… В общем, суть такая: недолго вам дурью маяться, стукнет восемнадцать и загремите в цугундер по-взрослому. Оставайтесь у меня в части, выправим вам документы, выучитесь ремеслу, людьми станете.

– И вы, стало быть, прибились? Так ведь там-то, в части, дисциплина, порядок, все по ранжиру. Вы-то птицы вольные, не тяжело?

– Сначала тяжко было, – признал Пельмень, – но сытно. И пора о будущем подумать. Не паразитировать, а работать над восстановлением хозяйства. Я вот по технике кое-что набатыкался.

– Да, у Андрюхи получается, как надо, – подтвердил Анчутка, – а я все понемногу: и как монтажник, и красить-шпатлевать получается неплохо.

– Молодец этот ваш… наш, то есть Кузнецов. Ужасно за вас рада, честно. А уж Колька до потолка прыгать будет.

– Где он, кстати, черт старый?

Оля не успела ответить: в коридоре снова послышались шаги, дверь отворилась, показались директор Петр Николаевич и, к немалому Олиному удивлению, тот самый товарищ военный, у «Летчика-испытателя».

Глава 12

– Вот тут у нас библиотека, – продолжая экскурсию, пояснял Петр Николаевич, – многое уже сделано своими силами.

– Да, вижу, – подтвердил гость. Сдернув перчатку, по-хозяйски провел пальцами по стене, глянул вверх, – и все-таки подработать надо. Стена в библиотеке должна быть гладкой, как стекло, а тут вон, уже трещины наметились. Еще немного – и пойдет грибок, нужна будет дополнительнае обработка, ненужные траты.

Оля напомнила о себе:

– Здравствуйте.

Он кратко глянул в ее сторону, очевидно узнав, слегка приподнял углы рта:

– Здравствуйте, здравствуйте, – и тотчас, изгнав улыбку, строго обратился к парням[1]: – Отвлекаете товарища от работы? Вон, смотрите, портреты стоят, агитационная продукция – разве им место у стены? Помогите даме.

– Это не дама, Максим Максимович, – отрапортовал Пельмень, – это наша старая подруга.

– Что, раз подруга – то и не дама, сама справится? Ну-ка, рысью за сверлилкой – и приступайте.

Петр Николаевич сообщил:

– В кабинете труда есть фэдэшка1.

– Выполнять, – приказал парням инженер-полковник.

Их как ветром сдуло, только валенки застучали.

– При всем уважении к моему гениальному земляку, наша техника мощнее, быстрей дело пойдет, – объяснил свое высокомерие гость и, повернувшись, пообещал Оле: – Сейчас окажем содействие.

– Это Ольга Гладкова, наша старшая пионервожатая и библиотекарь, – запоздало представил Петр Николаевич.

– Да мы уж шапочно знакомы. Весьма отзывчивый товарищ.

Она протянула ладошку, полковник пожал ее. В углах карих глаз собрались морщинки, отчего лицо стало совсем другим, куда добрее.

– Кузнецов, Максим Максимович.

«Симпатичный дядька, – подумала Оля, – и на военного не похож».

– Очень приятно.

– Скажите, а товарищу Гладковой, директору фабрики, вы не родственница?

– Дочь.

– Похожи на нее, такая же красавица, – заметил Кузнецов. Просто констатировал факт. – Сейчас бойцы помогут, а мы с товарищем директором пока продолжим.

Они вышли.

Оля продолжала наводить окончательный блеск, исправляя одной ей видимые недочеты, добавляя штрихи.

«Интересно получается! Снабженец, заслуженный человек, – и вот так запросто прикрывает воришку. Допустим, я этому только рада, Яшка все-таки друг и небезнадежен… и все-таки каждый раз, когда их прощают, вытаскивают из очередного котла, они опять берутся за свое. А если бы один раз загремели в колонию?»

---

[1] Электросверлилка ФД-1-8 – первая советская электродрель, выпускаемая воспитанниками Трудовой коммуны НКВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского, г. Харьков, под руководством А.С. Макаренко.

Оля поежилась. Конечно, она и понятия не имела, каково там приходится, все знания о системе трудовой перековки черпала исключительно из трудов Макаренко.

«Кузнецов, стало быть, откуда-то с Харьковщины? Назвал Антона Семеновича земляком… да, но все-таки, если оставить в стороне мое личное отношение к этим двум – они же все-таки преступники?»

Оля не удержалась, усмехнулась: за годы общения с ребятами в ее взгляде на них наметилась какая-то ненормальность. Преступники – это такие, с бородами-пистолетами-кастетами, а Анчутка с Пельменем – ой, оставьте! Какие они преступники, так, хулиганье.

«А что «так»? Тырить – тырили, воровать – воровали, и по мелочи, и по-крупному. А вот спроси меня кто: преступники они или нет – я твердо заявлю, что нет. Вот если бы это были другие… н-да-а-а, ну и логика. Лимиха обязательно бы прочла лекцию о ложно понимаемом товариществе и круговой поруке».

Бывшая старшая пионервожатая, Лидия Михайловна, не ленилась, навещала свою преемницу, как правило, с коляской, в которой почивала ее замечательно толстенькая, очаровательная дочка. Подобрела бывшая Ведьма Школьная: в глазах теплота, в голосе мягкость, и все-таки не упускала случая сделать поучение.

Как это там?

Девушка припомнила наставления, излагаемые в промежутках между укачиванием и подкармливанием: «Воспитатель, Олечка, не должен оставлять без внимания ни одного, даже самого незначительного нарушения установленных правил, объявить решительную борьбу ложному товариществу, бичу мальчишеских коллективов».

Странные дела творятся на свете! Лимиха всегда говорила вроде бы такие правильные слова, но почему-то совершенно не хотелось ее слушать. Лишь воспитание и уважение к старшей, к тому же молодой мамочке, которую нельзя огорчать, не позволяло зевнуть или вообще, рассмеявшись, уйти.

«Вот, допустим, случилось ЧП, а классный руководитель натолкнулся на упорное желание учащихся скрыть виновника того или другого проступка. Что следует сделать?»

Оля неопределенно пожала плечами – слишком мало исходников, чтобы делать выводы. Однако Лидии Михайловне, оказывается, все было кристально ясно:

«Ты как пионервожатая должна объяснить ребятам, что они поступают неправильно!»

«Что же, поощрять стукачество?» – прямо спросила Ольга.

Лимиха решительно воспротивилась такой постановке: «Нет! Мы не имеем морального права толкать учащихся на то, чтобы они по секрету выдавали виновников. Надо бороться с нечестностью – и одновременно воспитывать у школьников гражданское мужество в откровенной оценке своих и чужих поступков».

«Как это совместить в одной голове, интересно?..»

Глава 13

В библиотеку проник Колька и немедленно выказал свое полное одобрение проделанной Олей работы:

– Ох ты, фу-ты ну-ты! Это что, все правда?

Она показала язык:

– А вот и да, до буковки! Вот и завидуй.

– Больно надо. Слушай-ка…

Оля перебила:

– Нет, это ты слушай! Кто сейчас заявится – закачаешься!

– Кто еще?..

В дверь ввалились, галдя и засучивая рукава, Яшка с Андрюхой.

– А вот и мы!

– Колька!

– Привет, сволочи!

Когда поутихли первые восторги и отстучали дружеские тумаки по спинам, Яшка повторил историю – уже для Кольки, который, выслушав, признался:

– Повезло, граждане, завидую. Слу́жите, можно сказать.

– Ничего эдакого, – отмахнулся Пельмень, – да, совсем забыл. Ребят, вы, я смотрю, знакомы с Максим Максимычем.

– Некоторым образом, – сдержанно призналась Оля, бросив на Кольку многозначительный, предостерегающий взгляд.

– Так вы ему смотрите, не сболтните о наших прошлых подвигах.

– Вы, стало быть, не рассказывали? – уточнил Колька.

– Кишка тонка, – горестно признался Анчутка, – наврали, что первый раз, по глупости.

– Он и поверил? – лукаво спросила Ольга. – Не похож он на дурачка.

Пельмень пожал плечами:

– Поверил – не поверил, но ничего не сказал. Будем считать, что не знает. Вообще, по правде говоря, в части и похлеще нас типы имеются.

– Что у вас там, штрафбат? – усмехнулся Николай, но Яшка заупрямился:

– Не то чтобы… но немало товарищей еще с сорок первого года, ну, такие. Понимаешь?

– Нет.

– Дезертиры, – прямо втолковал Пельмень, – чего неясно?

– А… и что?

– Вот и то. Представь сам себе: сорок первый год, фашист прет, а ты от части отстал.

– Расстрел.

– Вот. И Батя…

– Это Кузнецов, – уточнила Оля.

– Да. Он, когда частью командовал, так и говорил им: дезертиры, предатели! Без суда и следствия расстрелять! Но потом… ну он же видит, что не специально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.